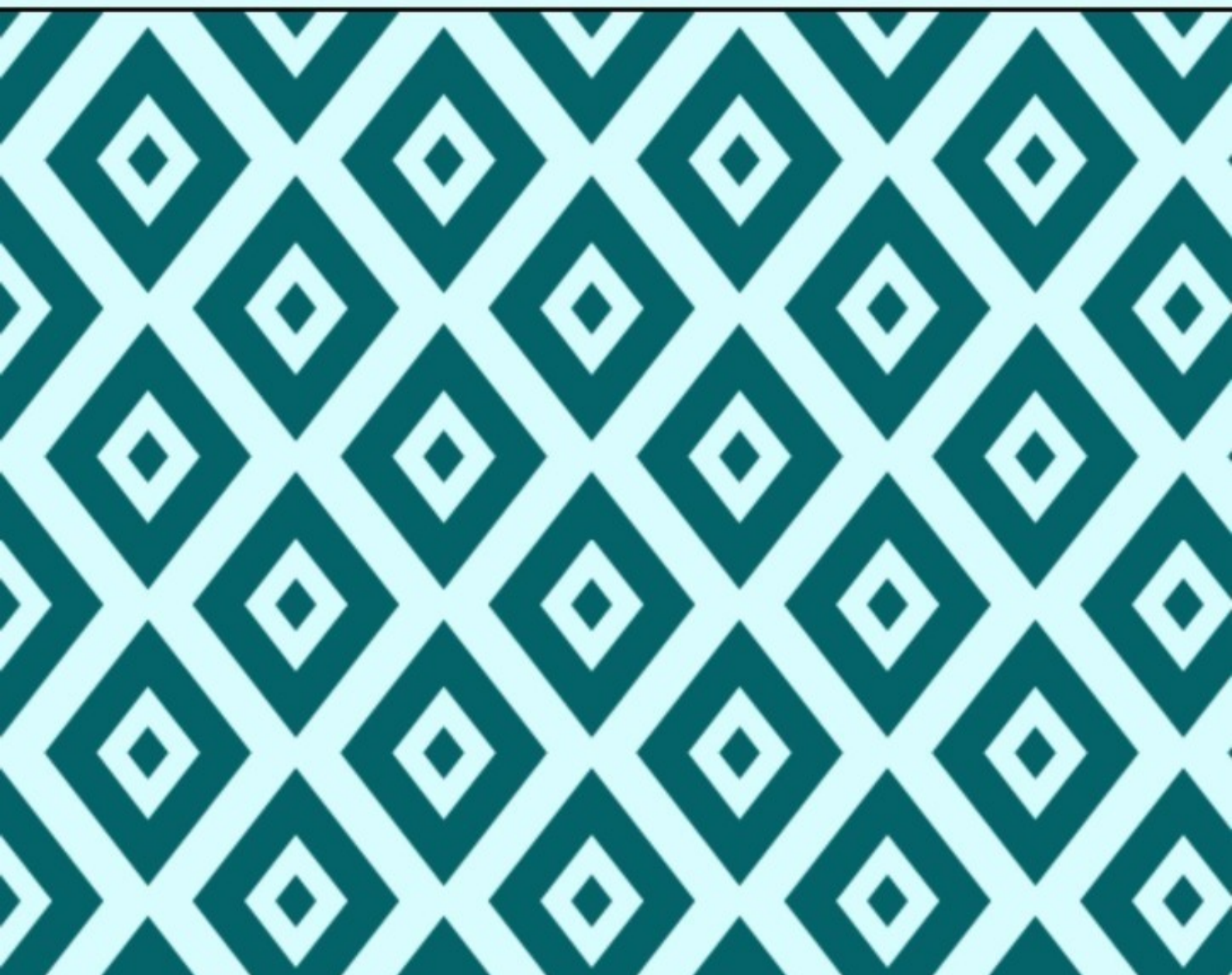

Геннадий Липкин-Дивинский

*РАННЕЕ.
КОЛЛАПСАР*

Геннадий Липкин-Дивинский

Раннее. Коллапсар

«Издательские решения»

Липкин-Дивинский Г. Я.

Раннее. Коллапсар / Г. Я. Липкин-Дивинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931410-9

Автор — один из лучших поэтов современности, основоположник поэзии Третьего тысячелетия. Он гениальный мастер слова, каламбура, рифмы, аллитерации. Его творчество — это новое слово в русской и мировой литературе. Своими произведениями он выделяет, подчёркивает величие русского языка. В этой книге его ранние стихи.

ISBN 978-5-44-931410-9

© Липкин-Дивинский Г. Я.

© Издательские решения

Раннее. Коллапсар

Геннадий Яковлевич Липкин-Дивинский

© Геннадий Яковлевич Липкин-Дивинский, 2018

ISBN 978-5-4493-1410-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЕННА/ДИЙ ЛИПКИН- ДИВИНСКИЙ (ЛИ-ДИВ)

СТИХИ, БАСНИ, ПОЭМЫ, КАЛАМБУРЫ, ПУБЛИЦИСТИКА

Р А НеНоЕ Е

В пригородном

Сквозь туман, года и мглу пригородный мчит.
Я сижу почти в углу. В животе урчит.
Уплетает бутерброд некто за спиной.
«Человечество-суть сброд!» – воет дед дурной.
Он, пожалуй, целый час так уже трандит.
Старческий гнилой анфас, неопрятный вид.
Я к холодному стеклу головой приник.
Холодно же тут в углу. Входит проводник.
«Слушай, деда, не кричи! Высажу сейчас!»
Тепловоз взревел в ночи в неизвестность мчась.
Сотни ра/дужных огней воссияли вдруг,
череды минувших дней обозначив круг.
Приближается вокзал; станция моя.
Мысленно себе сказал: «Вот и дома я!» ~74/75 и 94

Небо синее

Небо синее, чёрно-синее. Нет на нём ни единой звезды.
Солнце где-то на/д Абиссинией. Здесь же- тьма, степь и вёрсты езды.
Поле белое, чёрно-белое. У дороги деревья стоят.
Молодые худые несмелые; коченея от холода, спят.
Утро позднее, утро зимнее. Неохотно забрезжил рассвет.
Облака проявились дымные. Это всё я не выдумал, нет.
Это всё я увидел воочью; и рассвет, и деревья, и снег;
между пасмурным утром и ночью сквозь автобуса медленный бег. ~75

Самолёты, как рыбины с львиными мордами,
утопают в снопах жёлто-рыжих лучей,
к небу выставив спины свинцовыми хордами,
безразличные к массе людских мелочей.

Мир для меня- ахроматичен. Смотрю сквозь серые глаза.
В стихах угрюм и неэтичен. Когда случайная слеза

тоскливо, нехотя и скупно ползёт по пористой щеке.
Всё пасмурно вокруг и глупо. И ручка чёрная в руке.
Когда же я в хорошем духе, то жизнь мне видится в цветах
и в тополином лёгком пухе с улыбкой детской на устах.
Сквозь ра/дужную оболочку на всех доверчиво гляжу.
Былой обиды не держу; и стих подобен ангелочку.

Принимает жизнь формы разные; дорогие нам и опасные.
То безформенно- безобразные, то терпимые, то прекрасные.
И нельзя нам её перестраивать, отвергая плоды "неудачные"
красотою себя лишь опаивать, мир шлифуя бумагой наждачною.
Все полезно до маленькой малости; я к такому пришёл убеждению.
Эти наши безпечные шалости приведут на земле к вырождению.

Послесловие к легенде (в лицах)

Как странно ясен день апрельский! Окрест толпится, ропщет люд:
«Ужо тебе, Марк Корнуэльский- чванливый, стонущий верблюд!»
Где твои ра/дости и грёзы? В воде по пояс Горвенал
кромсает волны и сквозь слёзы рычит: «О, если бы я знал!»
(люд) «Все ухищрения насмарку. Как бледен; дёргается бровь»
«Не удалось безумцу Марку разрушить силой их любовь!»
(Марк) «Я был отважный смелый воин. Я славен был и был богат;
всегда почётом удостоен. Но стал их прихотью рогат.
Я, после этого позора, Тристана проклял; не убив;
порок их тем усугубив... Негневно не вижу взора»
«Ты, пёс неверный; ты, дебил, дитя, что вымахал верзильой;
любил ли ты с такою силой, как я обеих их любил!?»
(Горвенал) «Как всё бессмысленно и глупо! Как жалок этот человек!»

На берегу два юных трупа. Два сердца, слившихся навек. ~76 и 96

Космопозг

1

Не увижу больше никогда я родной Земли, родного края.
Захватила в плен меня звезда чёрная враждебная чужая.
В этом мире; как бы не пропасть. Мысли лихора/дит и спекает.
Открывает ведьма пропасть-пасть и в меня кошмаром проникает.
Взгляд заворожённый- на экран, на её оскаленную морду.
Нет спасенья, на/до на таран; и пробить ей спину, череп, хорду.
Боже мой, какая круговерть! Звездолёт трясёт, несёт, швыряет.
Им уже никто не управляет. И его сейчас постигнет смерть.
Но откуда выплыла Земля синяя, зелёная, земная,
маленькая, тёплая, смешная, кораблю спасение суля?
А вокруг неё бе/сился смерч, прыгали воинственные кляксы,
щёки на/дувала гуттаперч, и мрачнели тучи цвета ваксы.
Космос необъятный и хмельной плёл клубок чудовищного стресса,
словно издеваясь на/до мной, изучая ра/ди интереса.

Мне бы здесь сейчас другой клубок, смотанный рукою Ариа/дны.
Но неотвратимо манит рок в лабиринты, будь они нела/дны.

2

Век два/дцатый. Город Росток. В интернате Ги Шварцкоп,
смуглый худенький подросток, смотрит в школьный телескоп.
Направляет на Гиа/ды. Уж не Альфа ли Тельца
и звёзд млечных мириа/ды смели погубить отца?
Телескоп в гиперолоид превратив, он часть Вселенной.
жжёт, как выцветший таблоид. Болью в чашечке коленной
отозвалось. Плачет мальчик; в этом мире- одиноко.
Где же дед его, Кармаль Чик- земледелец с Ориноко?
Об отце ему недавно мать, волнуясь, рассказала,
письма их читать не дав, но на скамейке у вокзала
говоря с ним откровенно, ртом вдыхая ингалятор.
А чуть позже внутривенно врач вводил ей стимулятор. (пер. авг. 03)
Загрустившая, смиренная; каждым солнцем, в каждом кратере
смотрит вечная Вселенная на мальчика глазами матери.
Чем отвлечь его; обновлениями, украшениями старыми;
может звёздами сверхновыми, может древними квазарами,
да двойными переменными, да людьми разноплеменными,
чёрными, как пекло, дырами, Ми'рами, мира'ми, мирром и... (не ок.)

Железный марш

Эту заповедь помни до гроба ты; люди- твари тупые и праздные!
Мы ж- логично-разумные роботы, ЭВМ человекообразные.
Наши ткани, покровы- искусственны. Так за/думали наши создатели.
Мы жестоки, коварны, безчувственны. Провокаторы мы и предатели.
Мы страшны своей сверхчеловечностью. Мы ужасны своей на/дприродностью.
Автоматы, крещённые Вечностью с технокастовой неоднородностью.
Глубже в космос, земли экзекуторы в Балтиморе, Шанхае и Выборге!
Марш, со спесью арийской компьютеры! В путь, золотоордынские киборги! перед.96

Лежу в темноте; то- ли сплю, то- ли нет. В зашторенной комнате тихо.
Лишь как-то пробился сквозь щелочку свет. И сердцем предчувствую лихо.
Застывшую душу прошибла слеза. Стал пульс неуверенно биться.
Глядь; некие образы на образа и ну по карнизам клубиться.
И вдруг родился из могильных огней, из красок на чьём-то мольберте
табун ошалелых троянских коней, гонимых предвестницей смерти.
И словно бы жизнь перестала дышать. Мир сжался в предчувствии взрыва.
Не выдержал кто-то, рванулся бежать и... вниз головою с обрыва.
Проклятия кличу на берег чужой: «На кой нам троянские кони!»
Укутался простыню, как паранджой, к лицу прижимая ла/дони...
Очнулся дрожа, весь в холодном поту. Исчезли кошмарные тени.
Увидел весенней земли красоту и встал перед ней на колени.
И с ра/достью впитывал весь этот мир, его ароматы и краски... (не ок.)

В вагоне

Трясусь в вагоне после зноя дня. Сухая грудь с трудом скрывает жажду.
Усталость навалилась на меня. Закрыв глаза, мечтаю я и стражду.
Припав в горах к хрустальному ключу, до ломоты студёную пью воду.
Внимаю белых эльфов хороводу, и в вечер с нежно- снежными лечу.
Оранжевый взял в руку апельсин, рукой другою кожуру снимаю,
и получив по Скайпу аррел* Син** жизнь с полнотою всею понимаю.
Окрашенное небо в серый тон. Пью красоту раскрепощённой позы.
Срываю на заре земли бутон. Как хороши, как свежи были розы!
На лепестках упругих капельки росы. Как из девичьего фонтана слёзы.
О сколько нежности и гордой в них красы! Как хороши, как свежи были розы!
*Звонок (фран.) **здесь, имя. Син/шин- предпоследняя буква в иврите. 75 и 97

Моллюск

Кто видал пучины океана? Кто когда мечтал их покорить?
Это будет поздно или рано. Но об этом рано говорить.
Только я, выдавший виды, старый, замкнутый в себе больной моллюск,
опускался в мрачные тартары и ослеп от этого, обрюзг.
Одиноко было и тоскливо. Только временами я мечтал;
и, играя волнами прилива, щупальца спрут в косы заплетал.
Баловницы, ра/дужные рыбки, тормозили важную звезду,
вызывая тёплые улыбки, и скрывались в шельфовом са/ду.
Меж подводных лилий и актиний весело скакал морской конёк,
обгоняя блики пятен, линий; как в погожий солнечный денёк.
Но, однажды, жёлтую песчинку занесло в мой холостяцкий дом.
Спеленал её я, как личинку. И с тех пор мы стали жить вдвоём.
Время шло. Росла и хорошела, ра/дуя своей голубизной.
Мирно спит. Уже почти созрела. Я же покрывался сединой.
Но кому растил я это чудо? Кто увидит необычный цвет?
И решил я плыть туда, откуда ниспа/дает в волны солнца свет.
И теперь жемчужина в короне, как девичий полный неги глаз.
Ну а я ведь ей не посторонний. Обо мне кто знает что из вас?
Но не будь я чуточку поэтом с безкорыстной детскою душой.
Разве бы она лучилась светом; разве б увидела мир большой?

И почему я не художник, который к ра/дости других;
патлатый молодой безбожник; рисует девушек нагих,
цветы, соборы, рощи, парки, полей и неба семицвет,
и блики прошлого, и барки на горизонте, и рассвет,
что полыхая на/д волнами, в себя их черноту впитал,
и солнце раннее на/д нами, как остывающий металл.
Нов и талантлив он безспорно. Консерватизму вопреки,
рисует, пишет непокорно одним волнением руки.
Бурчу, срывая подорожник, в претензии на целый свет:
«Ну почему я не художник, а доморощенный поэт!?»

Пронзил моё сердце Амур любви золотою стрелой.
Я весел, я грустен, я хмур когда нет тебя и с тобой.

Порою не сплю по ночам и имя твоё на губах.
Не ра/д солнца первым лучам, прохла/де одетых рубах.
Обнять бы горячий твой стан, к устам твоим алым припасть,
и вызвать безумную страсть, любя, как Изольду Тристан.
Я часто себе так велю, но всё не решаюсь никак
признаться тебе, что люблю. ~76—77

Я часто в эти дни вспылён. Хочу, но не могу и не решаюсь
поцеловать тебя. Лишь тем и утешаюсь, что, кажется, в тебя влюблён.

До свиданья, моя первая настоящая любовь.
я тебя уже, наверное, не увижу больше вновь.
Где-то за Кироваба/д увезут меня, и армия
будет хуже, чем дисбат. Стану драить пол в казарме я,
словно раб, пахать как вол, брань снося и производ.
Только будешь ты мне помниться, только будешь ты мне сниться,
моя милая бездомница, кареокая жар-птица. ~78 и 96

А Р М Е Й С К О Е

Классно было на «гражданке» Вот такая карусель.
А теперь мотай портянки, кашу жри и пей кисель.
Всё зелёное; казармы, сосны, форма и трава.
И сержанты, как жандармы; клеят нам свои права.
Всюду новые порядки. Каждый день с шести утра,
начиная с физзарядки, начинается муштра.
«Вспышка слева» «Вспышка сза/ди» Каждый лезет поучить.
Ах вы, долбаные бляди, может хватит нас дрочить!?
А лишь только вечереет, мла/дший комсостав звереет;
делаем «Подъём-Отбой» Вскоре им на/доедает.
Свет в казарме вырубают. Спи, салага, чёрт с тобой! 78 Балашиха

Мы недавно расстались с пилотками. Чуть пораньше простились мы с мамами.
Цедим зной обожжёнными глотками, прикрываясь от солнца панамами.
Вон из пекла казарм; а/дски душными казематы со стенами голыми...
Хватит робкими быть и тщедушными! Породнимся с татаро- монголами!
Комары к ночи из чахлой зелени к нам в постели прут; оборзели они.
Сплошь искусаны ими «годки» «молодые» и «старики»
Где-то рядом пасётся верблюдица со своими двумя верблюжатами.
Я тяну в чайхане жар из блюдица, дуя на воду губами сжатыми,
соревнуясь с ребятами многими, казашатами сплошь босоногими,
что степными несутся аулами, в спины ветром тугим подгоняемы,
пропылённые, с жёлтыми скулами. От свободы своей невменяемы.
78 Шевченко и 96 Монреаль

Валентине Николаевне Пэнь, руководителю
джанкойского Пэн (ь) клуба, посвящаю

Спим на крыше; сони. Что ж, ребята, спите?

Здесь вам- не в Херсоне! Если ж кто и с Пите-
ра... К нам из Гаскони в дождевом озоне
воронные кони мчатся по промзоне.
Что их гонит вза_шей? Бешено- игривы.
Знать аркан казаший в их вплетётся гривы.
Под палящим небом; пять минут на воле;
подойду к ним с хлебом, вывалянным в соли,
и со жменей гречки. Отведу их к речке.
Соскребу с них копоть. Буду гла/дить, хлопать...
Год ещё в вертепе. Да и нет тут речки.
Не сбежать во степи, кони- «человечки» ~78 и 94

Вокруг меня- почти враги. Кто; полулюди, полужвери?
Их осторожные шаги весь день слышны у моей двери.
Глаза их кровью налиты; внезапной з/лобою сверкают.
И полудикие черты происхождение намекают.
За дверь почти не выхожу. И так все тело в их укусах.
Сейчас немного расскажу о слабовольных жалких трусах.
Идут они на поводу у крупных особей и сильных,
неся покорную узду на мордах выпачканных, мыльных.
А будет отдан им приказ, начнут они лягать, кусаться,
с бездумной з/лобою бросаться на вас, не ждавших их «проказ»
А за окном бушует жизнь, кла/дя на холст галлоны краски...
В казарме мрачной- волчьи маски и быдла преющая слизнь. 78—79

Три башни

В небо упираются три башни. Может, в них красавицы живут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.